

(В6) Семейный катехизис

Сколько разочарования от христианства – после разочарования в личной жизни – люди порой выплескивают «в инернетах»: мол, я молилась, постилась, была верной женой, а что толку?! Или даже не «что толку», а напрямую обвиняют пост, молитву и всю вообще христианскую традицию в развале семьи!

Но, ожидая, что венчанный брак будет счастливым сам по себе, просто в силу нашего благочестия и состоявшегося таинства, мы совершаем логическую подмену.

Во-первых, мы неосознанно пытаемся навязать Богу некие товарно-денежные отношения. Ну, или точнее – отношения обмена. «Я Тебе, Господи, обряд, пост и молитву – ну а уж Ты, будь добр, счастья нам подай в личной жизни». Здесь общение с Богом важно не само по себе, а лишь как средство благополучно устроить свое существование, и религиозная жизнь человека становится жестко регламентированной: читаем именно эти молитвы, молимся таким-то святым, «и ни одним поклоном меньше». Просто иначе боязно: вдруг вот на столько-то граммов благочестия Бог еще согласен «меняться», а если на грамм меньше или из другого кулечка – уже не согласен. При этом сами молитвы и поклоны могут вообще постепенно «механизироваться» настолько, что человек, по ошибке начав вместо утреннего читать вечернее правило, обнаруживает эту ошибку разве что ближе к концу (пример из жизни).

Попытки выпросить у Бога счастье в обмен на наше незрелое благочестие сродни намерениям европейских путешественников получить золото в обмен на дешевые безделушки. Но молодожены поступают так не злонамеренно. Просто это привычка, сформированная еще в детстве: я решаю задачку – учитель ставит пятерку, я приношу пятерку – дома меня хвалят... А потом человек вдруг сталкивается с тем, что Господь не предлагает отличникам «поставить счастье автоматом».

Впрочем, это еще не худший подход, худший – откровенный «магизм», оккультное мышление, при котором для человека храм, таинства и молитвы – лишь один из методов «воздействия на вселенную» для достижения определенных целей. Мол, я даже не уверен, есть ли Бог, но попробуем – а вдруг оно поможет.

Но «оно» не поможет. «А тогда зачем оно надо?!» – спросят нас, христиан. Действительно, что все-таки дает христианство в нашей земной, семейной повседневности? Или ничего не дает, и оно все только про вечность, а земная жизнь – сама по себе со всеми ее трудностями, в которых «каждая семья несчастна по-своему»?

Последняя мысль мне не близка. Как-то не вдохновляют заверения в стиле: «Наша радость в будущем веке, а что с мужем живем как кошка с собакой – так то наш крест, куда уж без него». В чем же тогда христианство и «возлюби ближнего», если наш самый-самый ближний почему-то не любим, а ненавидим? Или просто «терпим» под лозунгом «так он же – мой крест»...

Крест, когда надо, Господь каждому из нас и так подаст, а поспешно водружать на лопатки самодельный – плохая идея. И нет ничего хуже, чем мастерить поддельный «крест» из родной семьи: «постить» мужа, «смирять» жену или «сбивать спесь» с детей методами, как у героя чеховского «Убийства».

И спустя несколько лет обвинить именно христианскую веру в распаде брака. Хотя на самом деле виновата не вера, а ее подвывих в конкретной голове. Но со стороны, конечно, все равно покажутся «виноватыми» христианские традиции, извратив которые, кто-то быстро «засмирял» друг друга до полного отвращения.

И хотя правильный, хороший текст должен быть про позитив и «напишите уже наконец, как надо», я пойду по легкому пути: напишу, как не надо. Как не употребить во зло некоторые благие и полезные... как бы сказать... инструменты духовной жизни («Шишков, прости: не знаю, как перевести»).

Пост

Начну с темы самой простой и приземленной – поста. Обычно именно он первым бросается в глаза начинающим христианам и христианкам, и именно злоупотребление им очень часто переворачивает семейную жизнь с ног на голову – особенно если в этой жизни один супруг уже пришел к вере, а другой еще нет.

Зачем нам телесный пост как инструмент духовной жизни? Написано миллион раз, но в миллион первый повторяюсь: для некоторого «подтесывания» и заземления себя любимого, для наблюдения за собственным несовершенством. «Ого, а я, оказывается, ничего себе раздражительная, если утро без кофе со сливками! А еще на мужа роптала, что злой, когда голодный...» Для некоего утончения, развития и облагораживания собственного душевного устройства. Для подготовки души к общению с Богом. Но хотя центрально здесь именно Богообщение, в мирской жизни пост по остаточному принципу тоже может дать неожиданные бонусы. «Не стану смотреть телек – пойду книжку читать, образовываться».

И кроме шуток: пост при правильном подходе позволяет нам лучше узнавать и воспитывать себя в направлении смятения, снисходительности к маленьким повседневным немощам ближних – ведь мы и свои начинаем замечать точно такие же.

Нас уже не раздражает просьба мужа приготовить в сто первый раз определенное блюдо, ведь и собственные странные пристрастия становятся видны гораздо лучше. Нас не цепляет проявление чьей-то легкой лени – ведь мы видим, как самим лень хотя бы в Страстную седмицу нормально почитать вечерние молитвы, например. А супружеский пост укрепляет душевную связь мужа и жены, элементарно учит их проявлять любовь и нежность словом, заботой, вниманием – на языке популярной психологии это можно назвать развитием «пяти языков любви» вместо акцента на языке тела.

Пост – это, прежде всего, познание собственных немощей, воспитание и обтесывание себя, а не другого

Но иногда за счет поста можно неожиданно достигнуть совсем иных «результатов». Например, начать воспитывать невоцерковленных домочадцев с помощью кабачков и подсолнечного масла: «Вот попостятся, и дури-то поубавится, будут слушать о Боге без вот этих вот всех ухмылок». И вместо познания собственных немощей такой «воспитатель» (или «воспитательница») возрастает лишь в чувстве собственной значимости и правильности: «несмы якоже прочии», жующие за столом сосиску.

Немного настойчивости – и вуаля: муж обедает в кафе, ужинает у свекрови, а в выходные уезжает с друзьями; дети-подростки не желают возвращаться от друзей в

«казарму»; семья сохраняется формально, но внутри – взаимное недовольство, раздражение и желание держаться подальше.

А что касается супружеского воздержания, то оно, применяемое односторонним порядком в качестве «воспитательных» или «миссионерских» санкций, а не по согласию супругов, как об этом пишет апостол Павел, способно и вовсе развалить семью в рекордные сроки.

Исповедь

Не будем забывать: исповедь – это покаяние и примирение, а не поле семейных разборок

Что еще в христианстве мы часто используем не по назначению? Формальную сторону таинства покаяния – исповедь. В идеале она могла бы дать супругам все то же, что и разумный пост: память о собственных немощах, делающую человека снисходительным и добродушным. Но часто она становится инструментом самооправдания. Порой в очереди на исповедь бывает неловко стоять: так много женщин не стесняется достаточно громко «исповедоваться», какие негодяи муж-дети-свекровь, как они ее «доводят до греха».

Да и по себе помню это лукавое стремление молодой жены не столько исповедаться, сколько «нажаловаться» священнику на вторую половину или, может быть, даже заставить его «повлиять» на супруга в нужном направлении. И тут важна опытность и тактичность исповедующего священника. Так легко пойти на поводу у эмоций, начать жалеть и поддакивать тому, кто на самом деле может оказаться не столько жертвой, сколько первым источником семейных конфликтов. Важна и наша собственная трезвость и взрослость в оценке своих целей и мотивов: зачем пришли, для чего? Рассказывать батюшке, как вокруг все плохо, а я – несчастная жертва обстоятельств? Ну ладно, батюшка поверит – а Бог? Тот, Кто незримо стоит и у Кого священник – только свидетель, как сказано в одной из молитв, – каково Ему видеть, что исповедь из места покаяния и примирения превращается в поле семейных разборок и самоутверждения?

Есть еще совершенно отдельный разговор о том, с какими перегибами молодожены понимают и применяют на практике идеи патриархальной семьи, но здесь двух абзацев

не хватит, а пора бы заканчивать витийство. Потому напишу о другом камне преткновения в семейной жизни – слишком «духовном» взгляде на эту самую жизнь.

«Духовность»

Как это? А очень просто. Вот представьте: приходит муж с работы – жены нет. Она на службу ходила, потом добрые дела осталась делать: храм прибрала, подсвечники начистила, бабу Нюру, которая с палочкой, до дому проводила, купила ей плюшек к чаю... Добралась домой – стала к Причастию каноны читать. Муж покамест сходил в магазин за пельменями, сварил на двоих – планировал вместе поужинать. А у жены пост, ей причащаться завтра – и «когда ж ты уже запомнишь...» В общем, слово за слово – ссора.

И жена после размышляет не о том, что зря она, пожалуй, стабильно ставит супруга на 110-е место в своей жизни – где-то сильно после бабы Нюры, тети Маши и всех разнообразных приходских дел. Нет, она думает о том, что это лукавый на нее орудует и подсылает искушения за добрые дела и молитвы.

Но разве это не правильная мысль, разве мы в патериках не читаем, как ополчаются бесы против молитвы подвижника? В том-то и дело, что желание выдать каждую семейную размолвку за «искушение» ведет к банальной прелести. Ведь если на меня «ополчились бесы», значит, я уже чего-то да достиг в духовной жизни! Ай, каков молодец. Это раз. Два – у меня нет вопросов к себе, ведь искушение – оно и в Африке искушение, оно от лукавого, а меня упрекнуть не в чем совершенно. Ну и три – я буду продолжать в том же духе, чтобы не дать «бесу» сбить меня с толку. Пойду в храм и завтра, и послезавтра, буду там жить и благодетельствовать ближним – а с детьми и хозяйством как-нибудь муж и сам справится (или жена – если «приступ благочестия» с головой накрыл мужа). И ничего, что супруг мой не планировал принудительное внутрисемейное монашество, – я его постепенно «приучу» и «вымолю».

Все это со стороны выглядит очень героически, возвышенно и благочестиво. Иногда – это именно так. Но чаще внутри – слишком много гордыни и элементарного пренебрежения к самым близким людям. А еще – панический страх допустить даже мысль о собственной неправоте хоть в чем-то.

Но в таком печальном состоянии виновата не вера.

Здесь скорее гордыня использует традиции благочестия в своих целях, чем благочестие порождает гордыню. Не будь под рукой веры, такой человек просто самоутверждался бы иначе.

Это принципиальный момент! Ни в коем случае не хочу создать у читателя иллюзию, что частое хождение на службу или помощь в храме сами по себе могут повредить семейной жизни. Важно то, для чего именно мы ходим в храм. Просить ли у Бога разума, сил и любви для того, чтобы спастись, неся радость и счастье в свою семью? Или – только чтобы поставить себе галочку: я стал лучше, еще лучше – не то что некоторые? Второй путь и ведет «не туда».

Елена Фетисова

<http://www.pravoslavie.ru>